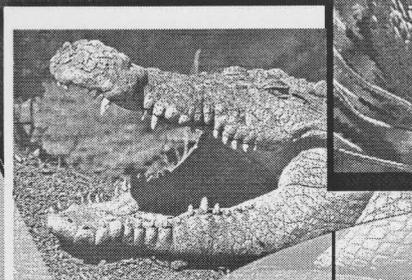
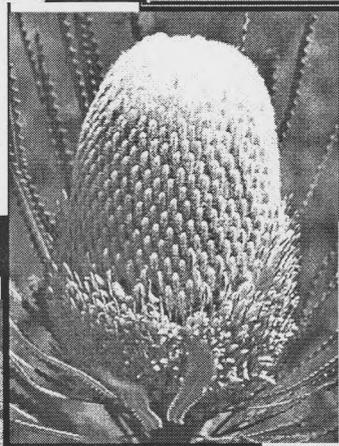
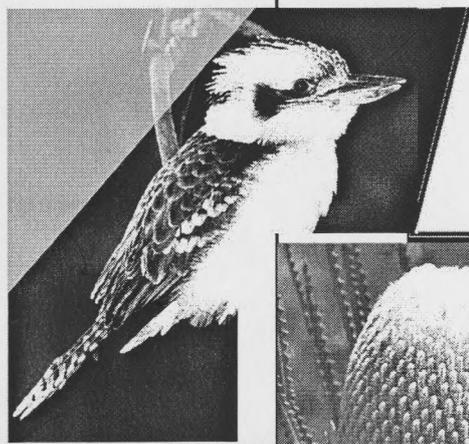

АВСТРАЛИЙСКАЯ МОЗАИКА

AUSTRALIAN
RUSSIAN
LANGUAGE
ALMANAC

ХУДОЖЕСТВЕННО
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ
АЛЬМАНАХ

9

Мы начинаем публикацию русского варианта книги Елены Говор, историка и писателя из Канберры, в авторском переводе.

Английский вариант книги (Elena Govor, *My Dark Brother: the Story of the Illins, a Russian-Aboriginal Family*, Sydney: UNSW Press, 2000) вышел шесть лет назад. Книга вызвала большой интерес читателей и была одной из шести книг, номинированных на премию в области австралийской биографии (short-listed for the National Biography Award) в 2002 году.

В 2003-2005 гг. на основе книги был снят австралийский документальный фильм «Пионеры любви», демонстрировавшийся с большим успехом на канале SBS в октябре-ноябре 2005 года. В инсценировках героев играли их потомки, члены семьи русских аборигенов. Фильм вызвал новый всплеск интереса к истории Ильиных. Любопытно, что одна из рецензий на фильм вышла под заголовком «Австралийская версия “Доктора Живаго”». Участники интернетного форума на сайте SBS высказывали предложения о том, что этот фильм должны посмотреть все австралийцы и, по крайней мере, он должен быть включен в программу австралийских школ. Кейт Рейнор, действительно, подготовила пособие для изучения фильма старшеклассниками.

Съемочная группа российского Первого канала также сняла сюжет об Ильиных, который вскоре будет показан в России.

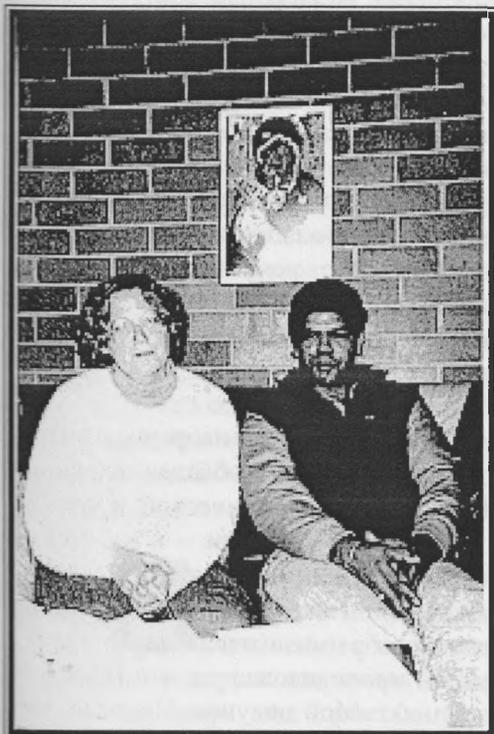
В Интернете создан вебсайт, посвященный книге и фильму, где представлены отрывки из глав, фотографии, рецензии, веб-форум на канале SBS, а также указано, как можно заказать копию фильма и книги на английском языке (см. ссылку на сайте <http://elenagovor.narod.ru>)

Елена ГОВОР

Мой темнокожий брат

История Ильиных, русско-аборигенской семьи

Моему сыну, Ральфи Кабо, и юным Ильиным – австралийцам

Предисловие

Все, что на самом деле случается, это и есть самое невероятное. Нет ничего поразительней и безумней, нежели действительная жизнь.

Э.Т.А. Гофман

Дерек, невысокий юноша с мягкой открытой улыбкой, глубокими черными глазами, пышными курчавыми волосами и темно-коричневой кожей появился на пороге нашего канберрского дома в 1995 году. «Настоящий абориген тасманоидного типа», – подумал мой муж-антрополог. Но Дерек представился: «Я праправнук Николая Ильина».

Николай Дмитриевич Ильин (1852-1922), русский писатель, и его сын Леандро (1882-1946), переселившиеся в Австралию из Южной Америки в 1910 году, уже давно были героями моего исследования. Попытка разыскать их потомков в Австралии привела к неожиданному открытию

– оказалось, что Леандро, женившись на австралийской аборигенке, стал родоначальником целого клана австралийских аборигенов – именно аборигенами они себя считали.

И вот – наша первая встреча. Посыпались вопросы, я доставала пачки бумаг и документов, а Дерек рассказывал истории, которые он слышал от своих предков. Так, вместе с потомками Ильиных, мы начали писать книгу их жизни. «У вас первые главы, у нас – последние», – задумчиво сказал Дерек. Он, простой парень, выросший в Таунсвилле, повар по профессии, на первый взгляд не унаследовал от своих предков ничего «русского» – ни русского языка, ни православной религии, ни знаний о русской истории. Его представления о жизни Ильиных в России и об обстоятельствах их побега были, мягко говоря, фантастическими; Дерек даже путал рассказы о Николае и Леандро. С точки зрения академической истории его рассказы были далеки от «фактов», на которые должен опираться «серьезный» историк: «Леандро пел французский гимн на улице в России, кто-то предупредил его, что его могут арестовать за это, и он должен был бежать. Он один уехал в Южную Америку, когда ему было одиннадцать лет. Он написал своим родителям, и они к нему приехали...»

Но тут Дерек внезапно сказал что-то такое, что – я почувствовала – передавалось в их семье из поколения в поколение как сокровенный завет: «Мой прадед Леандро учил своих детей быть гордыми, он говорил, что все люди, черные и белые, равны, он учил нас стоять за слабых и обиженных и отличать правое дело от неправого». Это поразило меня как вспышка молнии – его простая философия была нравственным кредо русской интеллигенции. Различие состояло в том, что в то время как интеллигентам редко удавалось доводить эту философию до практических результатов на благо простых людей, семья Ильиных, казалось, являла пример практического применения этих идей в обычной жизни на протяжении столетия. Леандро, женившись на австралийской аборигенке и подняв аборигенскую семью в те времена, когда расистские настроения в Австралии были не просто распространены, но и закреплены в законодательстве, сделал, казалось бы, не так уж много. Он просто помог своим детям вырасти с чувством собственного достоинства. И мифологизация прошлого, которая меня сначала так удивила в рассказах Дерек, как оказалось, сыграла в этом процессе существенную роль. Расставаясь с Дерек в тот день, я поняла, что мое уважение к фактам, мое традиционное представление об истории как анализе фактов, принадлежащих прошлому, дало трещину. Факты прошлого переплетались здесь с мифом, и вместе они определяли настоящее и будущее.

Жизнь их русского предка, Николая Дмитриевича Ильина, или Николаса Иллина (Nicholas Ilin), как он впоследствии назвал себя, является удивительным переплетением фактов и мифов. Родившись в провинциальной дворянской семье, славившейся своими военными заслугами, Николай пришел не продолжить, а разрушить ее вековые традиции. Вместо того чтобы избрать военную или гражданскую карьеру, он с юных лет был одержим идеями правды и справедливости. Но его страстная, неугомонная или, говоря современным языком, пассионарная натура так и не позволила ему претворить его идеалы в жизнь. Зачастую он, в своем моральном экстремизме, перегибал палку в борьбе за «правду», и тогда, спасаясь от своих собственных неудач, он, по его собственному выражению, как «загнанный зверь» бросался из страны в страну, с континента на континент – из Санкт-Петербурга в Соединенные Штаты Америки, в Поволжье, в Туркестан, снова в Петербург, затем в Европу и снова в США, назад в Петербург, а затем в Аргентину, Патагонию, Австралию, Колумбию, и, наконец, Гондурас – латая грубую ткань жизни цветными заплатами своих стихов, романов и легенд. И в этом головокружительном побеге, который растянулся на пятьдесят лет – побеге от самого себя – его сопровождали его единственные верные друзья – жена и дети. Они сохранили свою собственную правду о нем, которая может противоречить «фактам»; они передали ее своим детям и внукам. И они, австралийские аборигены и центральноамериканские гондурасцы, в свою очередь развили это причудливое переплетение правды и мифа в свете своих собственных культурных традиций.

Личность Николая отнюдь не проста. Мнения о нем настолько противоречивы, что, кажется, относятся к разным людям. Сам он полагал, что он обладал «крайне покладистым и всегда веселым характером». В его автобиографической прозе и поэзии он изображает себя идеалистом-борцом за высокие идеалы. Его потомки – а их более трехсот человек, рассеянных по всему миру – вспоминают его с любовью и гордостью. «Мой дедушка, мы называли его Деда, был очень терпеливым человеком, он нас очень любил, как и наша Баба. Они оба были очень, очень хорошими людьми, очень добрыми и очень ласковыми» (Эллен (Нелли) Флорес, внучка, США). «Он просвещал людей, он проповедовал то, что [власти] не хотели, чтобы люди знали» (Флора Хулихэн, внучка, Австралия). «Мой дедушка Николас, он

был адвокатом, и доктором, и поэтом» (Гарри Иллин, внук, Австралия). «Он был доктором международного права, поэтом, писателем, юристом и журналистом» (Сэм Маккай, правнук, Гондурас).¹

Современники относились к Николаю совсем по-другому: «странный мечтатель», «шулер или психопат», «наивный мазурик» (Илья Репин, художник); «мелкая натура, изъеденная самолюбием и снедаемая жаждой европейской славы», (анонимный критик); «я думаю, что он не только неправильный человек, но что он просто ненормальный; он болен, иначе нельзя объяснить такую бестолковость при таких делах» (Николай Ге, художник). Лев Толстой также полагал, что он был сумасшедшим, добавляя, что «в сумасшествии, как в пьянстве, проявляется то, что таилось прежде».²

Современные исследователи считают его «сильно увлекающимся» человеком, «не лишенным прожекторского духа», полагая, что им двигало стремление к наживе.³ Николай не оставил безразличными даже моих друзей в России, которые по моей просьбе переписывали от руки его материалы, хранящиеся в русских архивах. «Ваш “подопечный” вызвал у меня смешанные чувства, сначала мне показалось, что я ни за что не найду в себе психологические силы “врубиться” в дела такого, как бы помягче выразиться, нервно-унылого и без достаточного чувства меры человека, но

потом я втянулась и даже прониклась к нему сочувствием... Как знаком мне этот тип русского мужчины-неудачника, которому все тяжело дается и который никак не может научиться адекватно оценивать ситуацию... Но его упорству и мужеству можно позавидовать. Хотя, бедная семья!» (Ольга Артемова). Другой не мог удержаться от комментариев на полях своих выписок из писем Николая: «По-моему, явно врет», «Это он, скорее всего, придумал, такого быть не могло».

Факты жизни Николая Ильина свидетельствуют о том, что он был чрезвычайно импульсивным человеком, который постоянно вступал в конфликты и попадал в трудные ситуации. Он несколько раз должен был начинать жизнь с нуля, на пустом месте, будучи игроком и в прямом, и в переносном смысле слова, игроком, которым двигали страсти и идеи. Очевидно, он был склонен к самоидеализации, но, в отличие от многих русских интеллигентов, его риторика сопровождалась действием, и главным достижением его бурной жизни стали его мозолистые руки и дети, претворившие его заветы в жизнь.

Чем больше фактов и суждений я собирала о Николае Ильине, тем труднее было решить – а где же правда? Герой оказывался не просто двуликим или многоликим. К нему эти мерки не подходили. Правда никак не обнаруживалась при анализе моего героя как исторической личности. И как-то раз, перечитывая его автобиографию с ее умело расставленными акцентами и умолчаниями, я была поражена мыслью, которая была и проста, и парадоксальна в одно и то же время. То, что он нам оставил – его поступки, его книги и письма, воспоминания других людей о нем – не куча случайных материалов, при работе с которыми задача историка состоит в том, чтобы отделить правду от вымысла. Подход должен быть совсем другим. Николай Ильин был писателем. Что ж, строгий литературный критик может сказать, что он был несостоявшимся писателем. Это верно, но, тем не менее, он все-таки создал один литературный шедевр – свою собственную жизнь, эту замысловатую комбинацию факта и мифа. Если его жизнь рассматривать как произведение литературы, то все становится на свои места. Такой подход позволяет изучить историю Николая Ильина и его семьи с равным уважением и к историческим документам, и к семейным преданиям его аборигенских и гондурасских потомков, и к его собственным литературным и биографическим материалам. Более двух столетий в этой семье исторические «факты» постоянно переплетались с литературой и мифом, обогащая жизнь новых поколений уникальной семейной историей.

В самом деле, не несут ли в себе «факты» из нашего прошлого и настоящего, которые мы считаем правдой, элементы мифа? Эти элементы можно усмотреть в нашем отношении к прошлому, к нашим предкам; они присутствуют и в нашем настоящем, память о котором мы хотим передать нашим потомкам. Было бы неверно рассматривать эти элементы мифа как простые искажения, как ошибки памяти; напротив, они имеют свою

собственную ценность, отвечая самым сокровенным потребностям нашей души, выбирающей из потока исторических событий те факты, которые являются важными с точки зрения создателей и реципиентов мифа.

Соотношение между мифом и фактом в жизни одного человека, в истории одной семьи является только частным случаем баланса между мифом и фактом в истории в целом. Европейская историческая традиция, претендующая на объективность, полагает, что только исследование, основанное на так называемых исторических фактах и документах, заслуживает доверия. Но объективность исторических фактов и документов, исторической памяти, сама является открытой проблемой. Это стало особенно ясным именно теперь, когда целые пласты истории оказались мифологизированы, идеологизированы, написаны с позиций евроцентризма, расизма, андроцентризма и тому подобное. Современные историки пересматривают их; такова, к примеру, история колонизации Австралии, Океании или Сибири. Но кто может поручиться, что историки будущего не сочтут современные – честные и объективные – исторические работы еще одним мифом? Мифологизация прошлого почти неизбежна, и я думаю, что ее не следует воспринимать как нечто негативное. Ведь миф имеет свою собственную ценность, являясь существенной частью истории. В каком-то смысле миф столь же реален, как и факт, но это – иная реальность. Будучи порождением коллективного сознания, миф – такой же объективный факт, как и любой исторический факт. История, основанная на мифе (например, Время сновидений австралийских аборигенов), и история, основанная на документированных фактах, – это две параллельные истории, и я с равным уважением принимаю каждую из них.

«Миф», которым я занимаюсь, представляет собой результат мифологизации сравнительно недавнего прошлого. Тем не менее, я полагаю, что слово «миф» лучше передает суть этого феномена, чем «легенда», поскольку, как ни странно, подобные «мифы» строятся по модели древних мифов. Предки, к примеру, приобретают в них черты, типичные для культурных героев, побеждают зло и совершают «странствия», которые в традиционном обществе были бы увековечены сакрализацией местности, по которой пролегли их пути (об этом будет рассказано в главах «Кубок царицы» и «Русский культурный герой на австралийской земле»).

Мое исследование истории семьи Ильиных – это попытка разобраться, как мифы и факты переплетаются в жизни обычных людей на протяжении нескольких поколений и как этнические традиции окрашивают их историческую память. Это также книга о том, как жизнь, которую, по обычным меркам, можно было бы счесть неудачной, увенчалась, благодаря мифу, успехом. В центре книги – два героя: Николай Ильин, живший в мире идей и мифов, и его сын Леандро, который проводил эти идеи в жизнь и, делая это, заложил основу для создания новых мифов.

Разнообразие моих источников определило и жанр книги: временами это историческое, этнографическое или литературоведческое исследование, временами – документальный роман. Работа эта полифоническая: голоса нескольких поколений Ильиных – русского интеллигента, австралийского гуртовщика, девочки-аборигенки, гондурасского пионера и молодого поколения аборигенов-интеллигентов – переплетаются друг с другом, чтобы рассказать нам о необычайной истории этой семьи.

Я

* * *

предприняла это исследование, еще не предполагая, что может мне встретиться на этом пути. В июле 1996 года я отправилась в Квинсленд по следам Николая и его семьи и разыскала многочисленных потомков его сына Леандро. От них, и особенно от Флоры Хулихэн, его старшей дочери, я услышала удивительные семейные предания об их русских и аборигенских предках. Флора, выросшая в австралийском буше и никогда не учившаяся в школе, едва могла читать по-английски, не говоря уже о русском, тем не менее, несмотря на все перипетии ее кочевой жизни,

она сохранила как самое драгоценное свое достояние архив Леандро с рукописями ее деда – Николая Ильина. Другая часть семейного архива колесила много лет по Квинсленду с семьей старшего сына Леандро Ричарда Иллина, с этой частью архива я познакомилась в Маланде, на плато Атертон. Именно в этих местах и была ферма Ильиных, отсюда в 1910 году они начали свою австралийскую Одиссею. Это была земля племени нгаджон, из которого и происходила жена Леандро Китти. Да, они умели хранить память о своем прошлом.

Тогда, полная впечатлений от встреч с потомками Леандро, от их материалов и тех мест, по которым пролегли пути странствий этой семьи, я начала поиск фактов в русских и австралийских архивах и библиотеках. Я стремилась сопоставить каждое слово семейных преданий с фактами и таким образом понять законы, согласно которым они были созданы. Даже для меня, выросшей в России и знавшей мир российских архивов и библиотек, получение русских материалов оказалось непростым делом. С 1990 года я жила в Австралии и не могла поехать в Россию сама. Все мои надежды были на помощь моих коллег и друзей. Временами, когда одна попытка за другой терпела неудачу и месяцы бесплодного ожидания складывались в годы, я начинала думать, что материалы о Николае заколдованы, что он не хочет, чтобы мы ворошили прошлое. И в некоторых случаях мне действительно пришлось отступить, так и не узнав, «что есть истина». И все же поиск русских материалов во многих случаях увенчался успехом, я получила копии его писем и книг. Но самой большой удачей было заочное знакомство с Валентиной Александровной Проводиной, директором местного музея в Турках, недалеко от деревни Ильинка, в которой Николай родился. Надеюсь, что когда-нибудь там будет открыта посвященная ему экспозиция и, таким образом, он вернется к своим землякам, к своему народу, во имя которого он начал борьбу за справедливость много лет назад.

Николай Ильин оставил потомков не только в Австралии, но и в Гондурасе, где его сын Ромелио (1886-1976) и дочь Ариадна (1890-1971) тоже стали родоначальниками больших семейных кланов, насчитывающих ныне более ста человек, и в Соединенных Штатах Америки, куда некоторые из них переселились. Сохраненные ими семейные предания, документы и фотографии также сыграли большую роль в моей работе над книгой. К сожалению, я не имела возможности непосредственно встретиться с членами этой ветви семьи, и рассказ об их жизни не такой обстоятельный, как об австралийско-аборигенской линии.

Плодотворными оказались и мои изыскания в австралийских архивах и библиотеках, которые позволили мне во всех деталях рассказать историю сына Николая – Леандро, второго героя этой книги. Как оказалось, я познакомилась с Леандро еще в начале 1980-х годов в России, когда я только начинала собирать материалы об истории русских в Австралии. Тогда я обнаружила заметку в газете «Новое время» за 1912 год о поездке Леандро на север Австралии, чтобы выяснить пригодность этих мест для русской колонии. Статья не называла его по имени и была подписана лишь буквами «Н. Ил.». Кто мог предвидеть тогда, что однажды, уже в Австралии, я обнаружу рукопись дневника путешествия Леандро, рассказывающего об этой самой поездке 1912 года! Потом мне удалось найти его многочисленные письма властям в связи с его борьбой за право на официальный брак с Китти (белым жениться на аборигенках в то время было запрещено), его письма в защиту аборигенов, статьи в *North Queensland Register* и *Herbert River Express*. Оказалось, что Леандро, который в Австралии был простым гуртовщиком и лесорубом и умер в забвении, скрывал под своей непритязательной внешностью талант выдающегося демократа-публициста, которым Австралия теперь по праву гордится.

Но Леандро был не только писателем; он был удивительной личностью, копией и противоположностью своего отца. Хотя оба они были одержимы одними и теми же идеями, жизнь их сложилась по-разному, и именно Леандро сумел претворить идеи своего отца в жизнь. Николай был государственным служащим и санкт-петербургским адвокатом, Леандро стал «адвокатом из буша» и стяжал славу «народного советника» в маленьком городке Ингеме на севере Квинсленда. Николай стремился переделать весь мир, Леандро умел ценить ту жизнь, что выпала на его долю. Николай провел свою семью через пять континентов, Леандро оставался со своей семьей в одних и тех же местах.

История семьи Леандро не вписывается в рамки традиционной семейной истории, которая собирает сведения о том, кто где родился, женился и умер, какую приобрел собственность, где работал или воевал. Это – история семьи, возникшей из любви двух столь разных людей с противоположных концов земли – Леандро Ильина, родившегося в Ташкенте, и Китти Кларк из племени нгаджон в Северном Квинсленде. Но это – и история семьи, которая появилась из страстной веры Леандро в грядущее братство людей вне зависимости от цвета кожи, его мужества перед лицом ханжества и всевластного чиновничества, его борьбы за честность и справедливость.

Мужество его было особого рода, это было повседневное мужество – не скрывать свое русское происхождение, защищать свою жену и детей перед лицом властей от высылки в резервацию, а затем, что не менее трудно, не опускать голову перед теми, кто бросал на них насмешливые и косые взгляды. Мужество понадобилось ему и для того, чтобы решиться навсегда расстаться со своими собственными родителями, братом и сестрой, которые в 1920 году покинули Австралию. Леандро остался в Австралии из-за своего пасынка-аборигена Джинджера, так как власти не выпускали его из страны, а разлучить Китти с ребенком Леандро не мог. Огромное мужество понадобилось ему и в 1925 году, когда Китти умерла при родах, оставив его с шестью детьми-аборигенами, мал мала меньше. Он так и не женился и один поднял всю семью. Именно после смерти Китти он стал одним из первых белых борцов за права и достоинство всех аборигенов. И день за днем, до самой своей смерти в 1946 году, он, одинокий борец, оболганный властями и осмеянный ханжами и мещанами, поднимался снова и снова, борясь за справедливость и защищая честь – я не боюсь этого громкого слова – австралийской нации, которая в те годы все еще была в тенетах расовых предубеждений, было ли то по отношению к русским, аборигенам или итальянцам.

Но события далекого прошлого не были единственной темой моего исследования. В равной мере меня интересовала и жизнь молодых Ильиных-аборигенов – их этническая самоидентификация, их связь с аборигенским прошлым, их отношение к европейским предкам. Надо оговориться, что хотя я часто называю Ильиных аборигенами, действительность, конечно, гораздо сложнее. Некоторые из них скорее скажут о себе, что они австралийцы, у которых среди предков были аборигены, или ответят подобно Флоре, которая на вопрос о том, кем она себя считает – русской, аборигенкой, австралийкой – ответила: «я – человек».

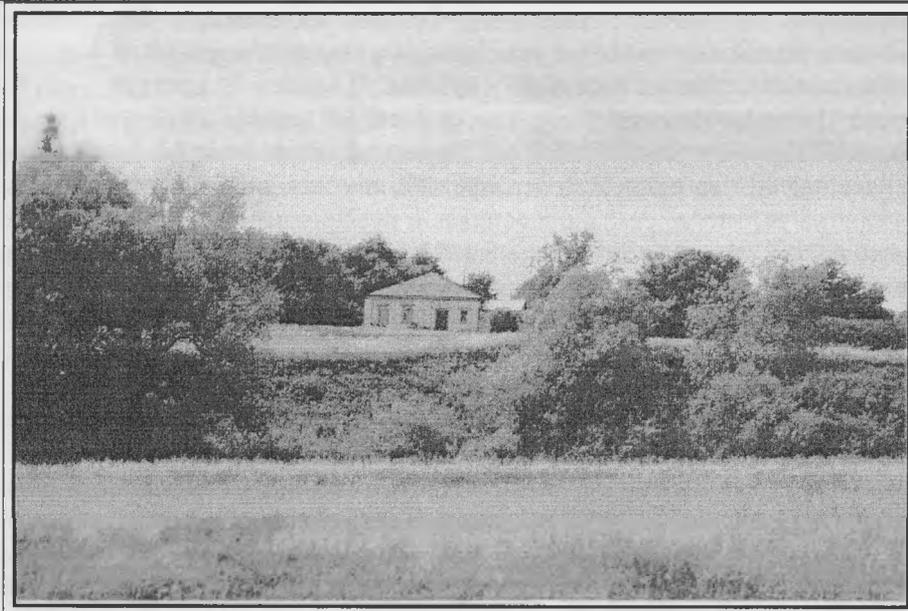
Особенно поразило меня в этой семье постоянное стремление к борьбе за справедливость, которое они унаследовали от Леандро и Николая. Несколько членов этой семьи стояли у колыбели движения за права аборигенов в Квинсленде еще в шестидесятые годы (здесь были свои «шестидесятники» – аборигены), многие члены семьи ныне работают в различных аборигенских организациях, пополнив ряды молодой аборигенской интеллигенции. Символично, что Эдди Мабо – одна из самых важных фигур в истории Австралии конца XX века, добившийся решения верховного суда Австралии о возвращении аборигенских земель их традиционным собственникам, – был вовлечен в эту борьбу годы назад Ричардом Хулихэном, зятем-аборигеном Леандро. Семена, посеянные в каменистую землю Австралии Ильиными, русскими мятежниками, дали первые всходы...

В ПОИСКАХ ГЕРОЯ

Герой и антигерой

С раннего утра все в Ильинке было в движении. Из деревни пришли девушки, чтобы помочь старому повару с обедом. Винный подвал был открыт, и Евгения, мать Коли, с помощью садовника Ефима выбирала цветы для своего платья и украшения комнат. Коля, четырехлетний светловолосый мальчик, был наряжен в белые панталоны с кружевами и в синее платьице-кафтанчик, украшенное белыми галунами. Сегодня ему было строго-настроено наказано не спускаться к реке.

Ильинка, родовое имение Ильиных, располагалось среди бескрайних южнорусских черноземных степей, в Саратовской губернии. Усадьба стояла на холме, а вниз, к реке, террасами спускался сад. Река с пугающим названием Щербедина, была любимым местом Колиных игр – царство лягушек, головастика и стрекоз. Особенно он любил, когда к реке спускались мальчишки из их деревни, чуть старше его самого. Они пригоняли сюда уток с утятами, а затем, сбросив домотканые рубашки, плескались у берега, а то и ловили раков и рыбу, используя верши, плетенные из лозы. Да, чего только не было в Колиной Ильинке! Даже Колины любимые шампиньоны, которые Ефим выращивал в теплице.

Все, что осталось от барского дома (Фото В.Проводиной, 1997)

В то утро Коля не долго грустил из-за запрета спускаться к реке. Сегодня и в самом доме было столько интересного – таинственная, прохладная темнота винного подвала, песни, которые девушки распевали, работая в доме, и передающееся всем радостное волнение его маменьки. Но самый лучший момент наступил, когда его папенька, Дмитрий, закончив распоряжения по хозяйству, сел в кресло-качалку на террасе с трубкой в руке, и Коля, забравшись к нему на колени, наконец-то завладел его вниманием. Иногда в такие моменты папенька рассказывал ему об их предке Дмитрие Ильине, который сжег турецкий флот под Чесмой, или о его собственном отце, Николае, дедушке Коли, который в Бородинской битве потерял руку. А бывало, что он позволял Коле – восхитительный момент! – взять в руки шашку или пистолет, висевшие на стене в кабинете, и рассказывал ему о своем первом сражении с турками. Это было в Кулевче в 1829 году, когда он с другом, – оба они были эстандарт-юнкера, отвечающие за полковое знамя, – своей храбростью воодушевили солдат не дрогнуть при турецком нападении, и русские, наконец, выиграли сражение.

Но в тот замечательный день папенька решил почитать Коле историю Колумба из «Всемирного путешественника». Слушая чтение, Коля как зачарованный глядел на цветную картинку в книге – синее море, белые паруса, желтый песок, зеленые пальмы и темнокожие туземцы, окружившие отважного капитана. Он всматривался в картинку, как будто ему открылось, что эта земля (которую потом назовут Гондурасом), так поразившая его в их степной Ильинке, однажды станет для него домом и местом, где он обретет вечный покой, и что его правнуки смешаются с потомками индейцев и испанцев, изображенных на этой наивной картинке.

Коля первым заметил, что на дороге, которая вилась среди зеленеющих лугов, появился экипаж. Это был их долгожданный гость – художник, которого папенька пригласил к ним в имение написать их семейные портреты. Пройдут годы, но этот портрет навечно сохранит чувства, испытанные им в тот далекий день – он нежно прижимается к маменьке на залитой солнцем лужайке перед их домом... запах масляных красок... и страх, что он шевельнулся, хотя ему велели не двигаться.

Художник, – хотя, по строгим меркам, он был всего лишь провинциальный ремесленник, – сумел поймать самую важную черту в лице Евгении – ее силу духа. Даже все атрибуты женственности – мягкие складки легкого утреннего платья, кокетливая шляпка, украшенная цветами, кремовая роза в руке – не смогли скрыть силу духа этой молодой женщины. Именно эта сила духа, в конце концов, и привела ее, дочь польского графа, в эту Богом забытую Ильинку. Сила духа и любовь.

...В тот день она стояла на балконе их дома в Познани, разглядывая проходивший внизу Елисаветградский гусарский полк. Красивые, сильные, словно слитые в единый организм, они двигались по улице как дивные рыцари ее грез. Гусары – великолепные в своих светло-синих доломанах, украшенных рядами золотых галунов и пуговиц, в белых, обрамленных мехом,

ментиках, наброшенных на плечи, с высокими, белыми киверами, с блестящими саблями и карабинами, с белыми полевыми сумками, украшенными царской короной. А кони – выхолненные, под синими седлами тонкого сукна с кистями!

Она заметила Дмитрия Ильина сразу. Как влитой он сидел на скакуне, а за ним стройно двигалась его часть. И вдруг он заметил ее и улыбнулся ей, а она помахала ему рукой в ответ, и в тот момент она уже знала, что если бы он позвал ее, она пошла бы с ним хоть на край света. Пошла бы, несмотря на то, что ее семья относилась к русским как к оккупантам, захватившим ее родину. Это они подавили польское восстание в 1831 году, когда она была еще ребенком. А перед этим, в 1812 году, ее отец, граф Ян Потоцкий, присоединился к армии Наполеона Бонапарта, который шел покарать Россию. На этот раз, в 1848 году, русские войска шли через их места, направляясь в Венгрию, где бурлила революция. И все же она пошла бы с этим человеком, если бы он только позвал ее. И он позвал. Они оба прекрасно знали, что ее семья никогда не позволит ей выйти замуж за русского. И тогда она сделала то, что делали героини ее любимых романов – тайно бежала с Дмитрием из родительского дома, а потом обвенчалась.

Почти 150 лет спустя ее правнучка Нелли вспомнила семейное предание о том, как «Евгения послала свою служанку купить какой-то необычный цветной сахар, и пока та его искала, она успела быстро собраться и бежать с лейтенантом Ильиным».

Что бы не выпадало на ее долю в дальнейшем, она – гордая полька – никогда не жаловалась, и ее сила духа никогда не покидала ее. Пройдет еще немного времени, и ее муж скоропостижно умрет, оставив ее с шестилетним Колей в чужой стране. И тогда вновь та же сила духа поможет ей выстоять и воспитать ее любимого мальчика. Но все это – впереди, а пока Коля, в лучах солнца, стоит рядом с ней и серьезно смотрит на художника.

Художник изобразил Колю как маленького взрослого, в стиле, обычном для русского провинциального портрета того времени. Даже его синее платье-кафтанчик, перетянутое пояском, напоминает цветом и отделкой

синюю форму гусарского полка его отца. Не о себе ли самом выросший Николай скажет годы спустя: «пяилетний ребенок с осанкой и манерами взрослого, выдержанного денди – вот идеал современного дитяти». ⁴ Он смотрит на нас с недетским, серьезным выражением лица, и только его нежно склоненная золотистая головка передает ощущение его почти младенческой хрупкости, да еще обруч, который он сжимает в руке, напоминает о том, что перед нами – мальчик, а не взрослый.

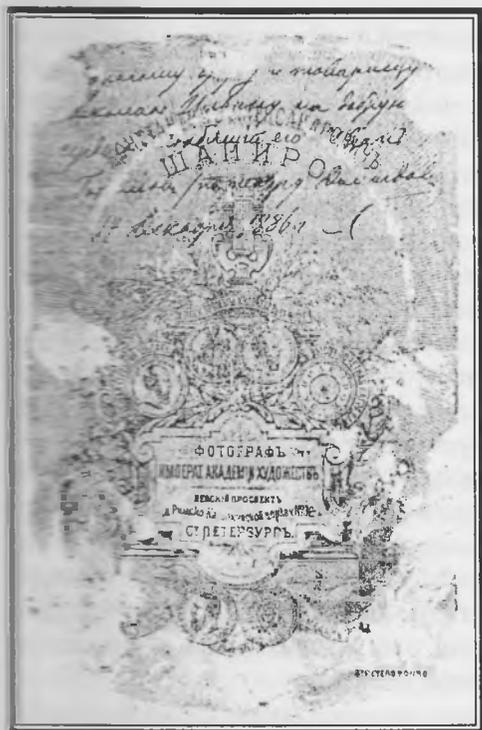
Колесо жизни этого мальчика скоро завертится в неудержимом беге, как крутился когда-то его обруч, пущенный с пригорка в их саду в Ильинке, и шестьдесят пять лет спустя он окажется на другом конце земного шара, на берегу безымянного высохшего ручья, который позже будут называть ложиной Ильина (Illin Gully). Там, в такой же солнечный день как этот, его темнокожие внуки Джинджер, Дик и Том, его австралийские внуки-аборигены, будут бегать вслед со ржавым железным обручем по лесной дороге у ручья. Точно так, как он в детстве сбегал вниз к реке, в Ильинке. Его внуки – босые, едва одетые, спящие на охалке сухой травы в хижине, сколоченной его сыном из пластов эвкалиптовой коры... По сравнению с Колей – златоволосым мальчиком из его прошлого, который уже тогда был молодым баринoм, владельцем десятков человеческих душ, – они будут нищими, и все же они будут богаче его – у них будет свобода. И глядя на этих темнокожих мальчишек, бегущих с веселым смехом за обручем по бушу, среди эвкалиптов, он поймет, что его жизнь прошла не даром. Колесо удачи, колесо рулетки, колесо жизни... И ведь действительно, почти вся его жизнь проляжет между этими двумя солнечными днями, в Ильинке и ложине Ильина.

А в тот солнечный день, в Ильинке, никто и не подозревал, что Коля, этот хрупкий мальчик, который позирует с такой гордостью для семейного портрета, пришел в эту семью не для того, чтобы продолжить ее традиции, но чтобы порвать с ними, чтобы стать последним владельцем Ильинки, чтобы искупить грехи своих предков...

Николай Дмитриевич Ильин – Коля, – который позже будет носить имя Николас Иллин, родился 27 ноября (9 декабря) 1852 в имении Ильинка в Балашовском уезде, Саратовской губернии, на полпути между Тамбовом и Саратовом.⁵ Его предки – дворяне-военнослужащие – переселились сюда из Тамбовской губернии в 1790-х годах.⁶ Ильинка, их родовое имение, насчитывала более ста душ крепостных крестьян. Евгения строго соблюдала дистанцию между усадьбой – миром Коли – и деревней с их крепостными крестьянами. Она никогда не забывала, что «она аристократка и всегда вела себя так, как будто она выше всех», – рассказывает ее правнучка Нелли. Внезапная смерть Дмитрия, казалось бы, должна была убедить Евгению, что ее решение порвать со своей польской семьей было ошибкой, но гордость не позволила ей вернуться, и заботы об имении и воспитании сына легли на ее плечи. Но она была молода и красива и вскоре вышла замуж за соседа-помещика – человека, по мнению Николая, «малограмотного и грубого».

Этот брак еще более отдалил Колю от матери, но их разлад начался раньше. Он рос мечтательным, импульсивным и одиноким ребенком. Евгения хорошо его понимала, может быть лучше, чем он понимал самого себя, и она предвидела опасности, которые будут ждать его во взрослой жизни. Но единственный путь, который она знала, было воспитание в духе *comme il faut*, в соответствии с нормами их времени и класса. К тому же, видя, что отношения Коли с отчимом не складываются, она попыталась совместить в своем лице роль матери с ролью отца. Этот подход не сработал, мать, лишив его своей женской мягкости и нежности, не смогла заменить суровое мужское воспитание, которое он с готовностью принял бы от отца-военного. Счастливое детство в дворянском гнезде не состоялось. Годы спустя он вынесет матери суровый приговор: «Мать моя – мало образованная женщина, хотя очень меня любила, но своим деспотическим характером и неразумным воспитанием дала неправильное направление моему развитию».⁷ Вполне возможно, что причина его последующих жизненных неудач таилась в его сложных отношениях с матерью. И с детства у него останется жажда равенства в любви, жажда любви без страха – то, чего он не получил в детстве. Пройдут годы, прежде чем он найдет женщину, которая сможет удовлетворить эту жажду.

Когда пришло время учиться, Колю отправили в Тамбовскую гимназию – несколько дней пути в тройке по степным проселкам под звон колокольчика. После простора и свободы, к которым Коля привык в Ильинке, после дружбы, хоть и вопреки материнской воле, с деревенскими ребятами, Коля оказался в маленьком мирке провинциального русского города.

Флора, его внучка-аборигенка, дала мне чудесным образом сохранившуюся реликвию тех времен. Это – фотография человека средних лет, на обороте которой с трудом можно разобрать выцветшую подпись: «Дорогому другу и товарищу Николаю Ильину на добрую [память] сердечно любящий его...» – но подпись почти невозможно было прочитать. Как-то раз, листая книгу Чехова, я наткнулась на фотографию Чехова с группой актеров. Лицо одного из них, В.Н. Давыдова, показалось мне странно знакомым. Я снова взяла фотографию Флоры – ну конечно, это был он, и буквы подписи сложились в слова «Иван Горелов (по театру Давыдов)». Владимир Николаевич Давыдов (1849-1925) был известным русским актером, который прославился, играя в пьесах Чехова, Толстого и других писателей. Он и Николай Ильин подружились, учась в Тамбове, когда Давыдов все еще носил имя Иван Горелов. После окончания гимназии их жизненные пути разошлись: Горелов бродил по дорогам России, выступая в провинциальных театрах, в то время как Николай метался между Петербургом, Америкой и Средней Азией в поисках правды. Однажды, в холодный зимний день 1886 года,

двадцать лет спустя после отъезда из Тамбова, они встретились в Петербурге и обменялись фотографиями...

Тамбов 1860-х годов был, согласно Давыдову, неприглядным местом – он писал в своих воспоминаниях: «Грустное впечатление произвел на меня Тамбов. ... Город тонул в непролазной

грязи... Единственным украшением города были покосившиеся на сторону и никогда не зажигающиеся фонари. Скука в городе стояла невообразимая. ... Все вечера тамбовцы проводили за картами и в сплетнях. Библиотеки не было, постоянного театра тоже».⁸

Тамбовская гимназия, в которой они учились, должна была дать им хорошее образование по таким предметам как литература, история, западноевропейские языки (французский и немецкий), латынь, математика и естественные науки. Однако мнение Николая о полученном им образовании было весьма критическим: «Я ... шел во всех классах первым учеником, но знаний из гимназии вынес сравнительно немного, а развития еще того менее, хотя окончил курс с первой золотой медалью. Уже с четвертого класса я обременял учителя словесности массой своего доброхотного сочинительства, но старик читал лишь редкие из моих тетрадей и ограничивался тем, что ставил мне постоянно пятерку. Каких-либо указаний или направления от него и ожидать было нечего, так как он едва передвигал свои восьмидесятилетние ноги и, к тому же, редко был трезв».

Николай отнюдь не преувеличил. Давыдов рисует еще более мрачную картину. «Я очутился в бедламе, именуемом тамбовской гимназией. ... В мое время она была вместилищем всего дурного и скорее походила по нравам на бурсу, хотя воспитывались в ней преимущественно дворянские дети. ... Помещение гимназии было страшно тесное, грязное, сырое... Директор гимназии, добрейший Артюхов, был человек бесхарактерный, и дисциплины, вследствие этого, не было никакой. Педагоги, гимназисты, дядьки делали, что хотели. Воровали, кому было не лень. ... Учились мы чему-нибудь, а главное—как-нибудь, вернее, ничему и никак не учились. Пособий не было никаких, читать было нечего, уроков не задавали и, следовательно, и не готовили. В классах на уроках стоял такой галдеж, что при всем желании что-либо схватить, усвоить, сделать это было невысказано. ... В гимназии царил рутин, застой. Никто нами, детьми, серьезно не интересовался, и росли мы предоставленные самим себе, на волю судьбы, правда, росли с большим знанием жизни».

Николай, однако, был лишен даже этой школы реальной жизни. В автобиографии он писал: «Дома я состоял под неусыпным надзором тетки – старой девы, – которая решительно не допускала меня ни до знакомства, ни до обмена мыслей с кем бы то ни было. Знал я лишь учебники да небольшую лавочку-библиотеку некоего Шемаева. В ней было несколько сот преимущественно нелепых книг, и за мою бытность в гимназии я их прочел буквально все».⁹

Я не сразу поняла, как обманчиво может быть использование стереотипных схем при реконструкции жизни такой сложной личности как Николай Ильин. Например, читая его краткую биографию в биографическом словаре русских писателей¹⁰, я была готова отнести к нему как к «типичному» юноше того времени. Так, тот факт, что он закончил Тамбовскую гимназию с золотой медалью, говорил о стремлении к знаниям и хорошем образовании. Поступил в Медико-хирургическую академию (Петербург) – это значило, что он, как и другие прогрессивные молодые люди того времени, хотел получить практическое образование, которое он смог бы обратить на благо народа. «Запутавшись» в студенческой истории, уехал в США, не закончив курс в академии – это, конечно же, значило, что он бежал, опасаясь ареста, будучи вовлеченным в какую-то радикальную студенческую организацию. Медико-хирургическая академия действительно славилась как рассадник революционного студенческого движения, и многие из ее студентов преследовались властями. Мое воображение уже было готово отождествить его с Базаровым, героем «Отцов и детей» Тургенева. К счастью, меня остановил сам Николай, который в своей автобиографии создал совсем другой образ себя самого, образ, позволяющий увидеть перечисленные выше факты под новым углом.

«Перед выпускным экзаменом [в 1868 году] мать мне объявила, что если я не получу первой золотой медали, то чтобы я не смел возвращаться домой. Медаль я получил, но на экзамены ходил с револьвером в кармане на случай неудачи. По окончании гимназического курса мать спросила меня, к какой деятельности я имею призвание и в какое высшее учебное заведение намерен поступать. Уже не раз задавал я сам себе этот вопрос, но ответа на него не находил; другими словами, хотя в науках я, пожалуй, был достаточно сведущ, но, в сущности, гимназия не пробудила во мне склонности решительно ни к какой отрасли знания.

Однако, нужно было что-нибудь выбрать и, купивши книжку, совмещавшую в себе программы и порядок поступления во все высшие учебные заведения империи, я остановился на медикохирургической Академии лишь потому, что желающим поступить в нее можно было сравнительно долее оставаться в деревне и воспользоваться осенним охотничьим сезоном... Таким образом я, страстный охотник, мог взять осенний вальдшнепный пролет. Это имело решающее влияние на всю мою жизнь, так как антипатии к медицинским занятиям я пересилить не мог и

курса ни в Академии, ни в другом высшем учебном заведении не окончил. Причиной этому, впрочем, помимо отвращения к медицине, было также и то, что, выросши точно в монастыре, совершенно изолированном от всякой общественной жизни, я, едва лишь приехал в Петербург, попал в кружок бесшабашной молодежи и проводил время крайне легкомысленно. В результате, запутавшись в одной незначительной студенческой истории, я уехал в Соединенные Штаты».

Мы никогда не узнаем, что это была за «незначительная студенческая история». В автобиографическом романе Николая «В новом краю» Алексей Силин (двойник Николая Ильина) представит эти события еще более драматично: «Быстро промелькнули первые годы студенчества и неудачно оборвались бегством за границу. Непосильная, непривычная борьба в новой стране за засушенный кусок хлеба, весть о возможности вернуться на родину, трогательная встреча на железнодорожном вокзале с матерью, одно время считавшей своего сына погибшим безвозвратно».

И затем эти же события, как будто всплывая со дна прошлого, отстоящего от нас на 125 лет, пришли ко мне в виде семейной легенды, сохраненной его внучкой-аборигенкой Флорой: «Мой дедушка учился на доктора. Он не хотел быть доктором. Тогда говорили, что когда делаешь операцию, например, вскрываешь нарыв на пальце, надо курить. А вот этого он как раз и не хотел делать. Он не хотел курить. Ну, так вот, он имел обыкновение играть на деньги. У него, должно быть, было много денег. И вот случилась такая история, о которой мне рассказывал отец – я не знаю, где это было, я была слишком маленькой, чтобы запомнить – но мой дедушка играл на деньги, по-крупному играл, говорил мой отец. И его приятель дал ему какие-то деньги, на время, а потом пришел за ними, а, может, это мой дедушка одолжил ему деньги. Так или иначе, тот стал угрожать дедушке, что он сообщит в полицию, что тот дает деньги как ростовщик, в общем, угрожал втянуть его в какую-то историю. Дедушка схватил деньги, они были в железной шкатулке, и хотел его этой шкатулкой ударить по голове. И тут у него в голове мелькнула мысль: "Лучше не надо. Тогда меня возьмут за убийство". И он просто отдал деньги».¹¹

Наконец, части его жизни, как кажется, состыковываются. Но мы ошибемся, если примем за чистую монету эти разноликие образы Николая – одинокого юноши из провинции, задыхающегося без духовного развития в примитивной школе, или деревенского парня – страстного охотника, или городского повесы-картежника. Николай еще только начал писать свой шедевр – свою жизнь, – он еще только начал игру в прятки с прошлым и будущим, и он снова толкает маятник в противоположном направлении.

На сей раз Николай делает это в своей первой книге «Шесть месяцев в Соединенных Штатах Северной Америки», в которой он рассказал о пребывании там в 1872 году. Ему тогда было всего пятнадцать лет, но каким зрелым наблюдателем проявил себя этот юноша. Такую книгу не мог бы написать ни провинциальный гимназист, ни барчук-охотник, ни сумасбродный игрок. Впрочем, безрассудство как раз у героя книги было: «Кровь хлынула в голову; сильнейшая злоба закипела во мне... нервно сжал я рукоятку топора», напишет он о втором дне в Америке, когда он чуть не убил своего работодателя, обнаружив, как безжалостно этот человек обманул его. Но безрассудство было, возможно, единственным, что объединяло его с другими ипостасями Николая Ильина, с которыми мы уже познакомились. Безрассудство, да еще неясная причина побега в Америку. Все остальное было другим.

Николай отправился в Америку со своим другом С., пылким, красивым юношей с длинными курчавыми волосами (его мать была грузинкой). Он был выдающимся гимнастом и борцом и обычно ходил в русской красной рубахе. Как и у Николая, у него за плечами было неудачное студенчество – он учился в Петербургской Академии Художеств. Влившись в поток эмигрантов, через Гамбург, Гуль и Ливерпуль они добрались до Нью-Йорка. Весь мир, казалось, был в движении. Наблюдая переселенцев, Николай делал вполне зрелые суждения о различных нациях. Сравнивая англичан с американцами, немцами и ирландцами, он размышлял, в какой мере успех каждой этнической группы в Америке был связан с ее национальными ценностями и национальным характером. Его суждения, хотя и критические, никогда не были расистскими, причем свой собственный негативный опыт, связанный с людьми той или иной национальности, он не переносит на нацию в целом. Например, многие русские эмигранты попадали в Америке в руки российских дельцов-евреев (вспомним «Без языка» Короленко), Николай тоже не избежал этой участи, но, в отличие от многих из его соотечественников, он судит о евреях без предвзятости.

Мастерство, с которым написана книга, делает очевидным, что Николай был отнюдь не ограниченным провинциалом, не читавшим ничего, кроме «нелепых книг» из библиотечки

Шемаева. (Выяснилось, кстати, что Тамбовская гимназия имела хорошую библиотеку, насчитывающую около тысячи томов). Он приехал в Америку, ожидая увидеть сказочную страну своего детства: «Страна саванн, льяносов, страна девственных лесов, бизонов, кайманов, ягуаров и гремучих змей», страна краснокожих храбрых индейцев, страна, о которой они «осмеливались только мечтать, как о чем-то заповедном, недостижимом». В то же самое время, однако, он обнаруживает глубокое понимание разнообразных социальных и политических проблем этой страны, «начитавшись влать сочинения г. Циммермана “Путешествие по Америке”, в котором русский путешественник превозносил социально-экономические достижения молодой заокеанской демократии». И когда, наконец, американский берег появился на горизонте, у Николая едва не брызнули слезы из глаз.

Увы, ему не удалось найти ни одну из своих Америк. Вместо этого он и его друг С. будут обмануты и на два месяца буквально обращены в рабство американским фермером и, вырвавшись от него, обмануты снова и снова, а однажды толпа, разожженная ксенофобским фанатизмом, забросает их камнями. В конце концов, Николай научится лгать для того, чтобы получить работу и таким способом спасти от голода коммуну русской молодежи, к которой он присоединится в Нью-Йорке. Это знакомство с изнанкой американской действительности будет очень болезненным, но, несмотря на все свои мытарства, он не осудит страну своей мечты. Напротив, за уродливыми деталями, выступающими на первый план – мошенниками, капиталистической эксплуатацией, беспощадностью к слабому, – он разглядит главное. Его собственные невзгоды не заставят его забыть об американских принципах демократии, личной свободы, рационализма, о технических достижениях и высоком уровне жизни этой страны, о культурности ее населения, о социальной и расовой толерантности.¹²

Да, для девятнадцатилетнего юноши он показал завидную зрелость ума и блестящие задатки, чтобы стать писателем или ученым. Может быть, мы наконец-то начинаем понимать, кем был в действительности Николай Ильин? Но, приняв этот образ как единственную правду, не ошибемся ли мы снова? Может быть, все образы себя самого, созданные им, имеют равное право на существование в шедевре, который он создает – в его жизни? В шедевре, в котором Николай-герой неотделим от Николая-антигероя, а действительный Николай от своего воображаемого двойника.

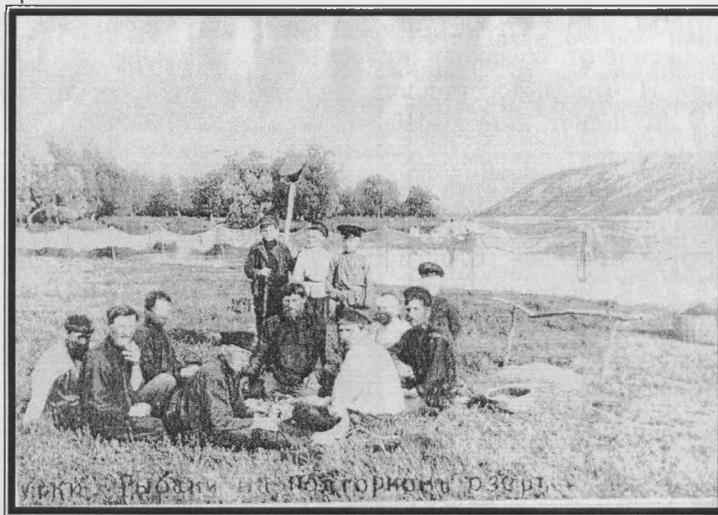
* * *

Николай покинул Америку в августе 1872 года и отправился прямо в Ильинку. Медико-хирургическая академия и его петербургская студенческая жизнь навсегда остались в прошлом. Учебники по медицине были сложены в сундук. Эти учебники объедут с ним весь мир и, наконец, в 1927 году, уже после его смерти, их унесет наводнением на реке Бэдекин в далекой Австралии...

Ильинка, в которую он вернулся, была, казалось, все той же, но теперь он смотрел на все новыми глазами. Крестьянские избы, потемневшие под осенними дождями, казалось, еще глубже вросли в землю. Сбившись в кучу, они лепились по берегу Щербедины. И их жители, одетые в домотканую одежду летом и в овчинные тулупы зимой, казались реликтами древней эпохи. Избы с крохотными оконцами, где печь занимала четверть пространства, долгими зимними вечерами освещались коптилками. Зимой жители делили избы с птицей и скотом. Крестьяне больше не были крепостными, но отмена крепостного права, казалось, едва ли улучшила их жизнь. Они жили в постоянной нужде, несмотря на бесконечный тяжелый труд и плодородие почвы (чернозем в этих краях был в метр глубиной). Но техника пахоты все еще была архаичной – соха, которую тянула слабосильная лошадедка. Они выращивали рожь, немного овса, проса, пшеницы и гречи. На их натуральное хозяйство, при котором они худо-бедно обеспечивали себя всем необходимым, отмена крепостного права наложила почти непосильное бремя – теперь они должны выплачивать деньги бывшим господам за свои небольшие земельные наделы. Это привело к новому типу порабощения, на этот раз экономического, местными кулаками.¹³

Николай поселился в господском доме, в той же самой комнате, где он жил в детстве. Колесо его жизни завершило свой первый круг. Пока на его жизненном пути были одни неудачи – ни Петербург, ни Америка его не приняли. Но ему было только двадцать лет, и он не падал духом. К тому же он загорелся новым планом, на осуществление которого он готов был бросить всю свою энергию. Он сделает то, что его семья должна была сделать давным-давно – выполнит свой долг перед крестьянами. В течение нескольких поколений тяжелый труд их крепостных обеспечивал благосостояние его семьи, его образование и жизнь в Петербурге, даже его путешествие в Америку. Теперь пришло время платить долги. Это новое убеждение было, пожалуй, самым главным итогом последних бурных лет его юности. Такие мысли стали появляться у него еще в

Петербурге, где воздух, казалось, был наполнен идеями о долге интеллигенции перед народом. Это было краеугольным камнем идеологии народников, и в начале 1870-х годов многие интеллигенты шли в народ, селились в деревнях как учителя, врачи или ремесленники и в то же самое время «просвещали» крестьян, проповедуя идеи справедливости и революции. Николай еще не был готов принять всю идеологию народников, но мысль о долге перед народом глубоко запала в его душу. И в народ ему не надо было «ходить», их недавние крепостные, – убогие, забытые, неграмотные, – жили рядом с ним.

Крестьяне в окрестностях Турков на рыбалке
(Турковский музей)

Как только мать позволила ему самому распоряжаться имением, он начал эксперимент, позже описанный им в романе «В новом краю». Он, как и его двойник Силин, «владелец небольшого отцовского поместья, задается несбыточной химерой – возвысить заработную цену в двух-трех соседних деревнях и тем освободить крестьян от гнета кулаков. Химера остается химерой, а деньги Силина чрез крестьянские дырявые карманы проскальзывают в кованные сумки тех же кулаков». В «Песнях земли» Николай добавлял, что он «скоро перессорился со всеми “кулаками” по соседству» и вынужден был покинуть родные места.¹⁴ Эта пассивность русского крестьянина глубоко разочарует Николая, но он никогда не будет винить в этом самого крестьянина, понимая, что этот тип характера создали особые российские условия.

Но это было не единственной неудачей, которую Николай претерпел на этом витке жизни. Вскоре после возвращения в Ильинку у него появилась крестьянская девушка из соседней деревни Турка. Хотя он и хотел изменить старые отношения между господами и крестьянами, здесь он пошел по пути, проторенному его предшественниками. Некоторые помещики, как, например, герои произведений Льва Толстого «Воскресение» и «Дьявол», позже испытали раскаяние, но многие едва ли беспокоились об изломанных судьбах своих крестьянских наложниц. В октябре 1873 года у Николая появился незаконнорожденный сын, получивший имя Иван Герасимович Иванов.¹⁵ Николай не имел никакого намерения жениться на матери мальчика – примерно в это же время он вступил в брак со своей первой женой. Но в отличие от других помещиков, он не бросил своего сына и заботился о нем, насколько позволяли ему условия его жизни. Он никогда не упоминал эту историю в своих произведениях, но, очевидно, никогда и не забывал о ней: когда, годы спустя, в Австралии, его сын Леандро оказался в подобной ситуации и решил жениться на женщине-аборигенке, ждавшей от него ребенка, Николай был первым, кто поддержал его.

Первый брак Николая был заключен в соответствии с его социальным положением и нормами его среды, словом был *comme il faut*. Его женой стала дочь полковника Вера Томич, «красивая, бойкая, образованная девушка», – так он описывает ее в романе «В новом краю», в котором она выведена под своим собственным именем. Из романа следует, что их отцы были сослуживцами и «сделали вместе турецкую кампанию», причем отец героя отличался «бесшабашной удалью». Герой романа женится на Верочке, чтобы спасти ее от брака со старым генералом. Соответствовало ли это реальным обстоятельствам брака Николая, остается неизвестным, но – и в жизни, и в романе – брак этот скоро распался, несмотря на рождение у них ребенка.¹⁶

В романе их отдаление друг от друга объясняется «рознью взглядов, непониманием друг друга в самых обыденных вопросах семейной и общественной жизни». В действительности же,

как кажется, была другая причина, о которой рассказывает внучка Николая, Нелли: «Насколько я понимаю, первая жена Николая была ему неверна. Об этом дедушка узнал от друга, и вот он однажды сказал ей, что уезжает на несколько дней, а вместо этого возвратился домой утром и нашел ее в постели с каким-то человеком. Тогда мой дедушка нанял детектива, чтобы тот "нашел" его с женщиной в гостиничном номере, так, чтобы позор при разводе пал бы на него, а не на его жену. Он оберегал ее имя. И так он с ней развелся».¹⁷

Для Николая это было двойным поражением – он не сумел стать «комильфотным» помещиком, мужем и отцом, но не сумел стать и «новым человеком»: вместо служения своему народу он потерпел поражение от «кулаков» и обесчестил крестьянку... Неужто он и впрямь был всего лишь антигероем? И чтобы восстановить душевное равновесие, Николай прибегает к необычному способу – он пишет книгу «Шесть месяцев в Соединенных Штатах Северной Америки» – о себе как интеллектуальном герое (не важно, что там он тоже потерпел неудачу в столкновении с действительностью!) Книга и в самом деле получилась живая и содержательная, но этого ему было мало, и он мучительно искал выход из всех перипетий Ильинки.

И выход неожиданно появился. Власти приглашали желающих поступить на службу в далекий Туркестанский край, недавно присоединенный к России. Не долго думая, Николай завербовался и летом 1876 года он оставил Верочку с сыном Сергеем (развод еще не был оформлен) и отправился в путь, в новый край. Там не будет места для антигероя, герой на этот раз должен был восторжествовать. ■

(продолжение следует)

¹ Н.Д. Ильин, Дневник толстовца, СПб., 1892, с. 5; Материалы из архива Елены Говор: Ellen [Nellie] Dale Flores, 'Memoirs', 1996, с. 8; Флора Хулихэн, письмо автору 14.09.1995; интервью с членами семьи Ильиных, пленка 1А499; Somerled Mackay, 'Genealogical Tree of the Illin Family', 1996, с. 3.

² И.Е. Репин, Далекое близкое, М.: Искусство, 1964, с. 320; И.Е. Репин, Письма к писателям и литературным деятелям. М.: Искусство, 1950, с. 89; Северный вестник, 1892, № 6, с. 75–79; В. Стасов, Николай Николаевич Ге, М., 1904, с. 346; Л.Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 88, с. 200.

³ Репин, Далекое близкое, с. 480; В. Порудоминский, Николай Ге, М.: Искусство, 1970, с. 228.

⁴ Факты в этой главе основаны на различных источниках, в том числе Н.Д. Ильин, 'Автобиография', ИРЛИ, ф. 377, № 1347, л. 1; Ильин, Дневник толстовца, с. 256, 132; М.К. Соколовский, Памятка 3-го гусарского Елисаветградского ... полка, СПб., 1914, с. 29–30; Flores, 'Memoirs', 1996, с. 2–3; Mackay, 'Genealogical Tree', с. 2; интервью с Леандро Иллин-мл.; письма Валентины Проводиной, директора музея в Турках, автору, 1996–98; воспоминания старожилов Ильинки Р. Феклюнина и З.Г. Сидоровой, записанные В. Проводиной. Документы о военной службе Дмитрия Ильина были предоставлены РГВИА при содействии Антона Вальдина: 'Д.Н. Ильин, 6-й', РГВИА, ф. 395, оп. 16, д. 492.

⁵ Эта дата рождения представляется наиболее достоверной. Она имеется в послужном списке Николая и в его заявлении на натурализацию в Австралии. Он сам, как кажется, пытался ввести в заблуждение своих будущих биографов, указав, что он родился в 1849 г. в своей автобиографии для «Русского биографического словаря» и в предисловии к «Песням земли».

⁶ Саратовский государственный архив, ф. 19, оп. 1, д. 84 (Я благодарна В. Проводиной за содействие в получении этих документов).

⁷ Flores, 'Memoirs', с. 3; Н. Ильин, Песни земли, Париж, 1910, с. 4; Ильин, 'Автобиография', л. 1.

⁸ 'Давыдов, В.Н.', - Театральная энциклопедия, т. 2, М., 1963, стб. 265–269; В.Н. Давыдов, Рассказ о прошлом, Ленинград–Москва, 1962, с. 34.

⁹ Давыдов, Рассказ о прошлом, с. 35–36, 43; Ильин, 'Автобиография', л. 1-1 об.

¹⁰ В.М. Лукин, 'Ильин, Н.Д.', - Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь, т. 2, М., 1992, с. 413.

¹¹ Ильин, 'Автобиография', л. 1 об. - 2; Н. Ильин, В новом краю. Роман-хроника. Из времен завоевания Туркестанского края. Ташкент, 1913, т. 1, с. 295–96; пленки с интервью ЗВ186, 9А590.

¹² Н. Ильин, Шесть месяцев в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1876, с. 77, 53, 7-8, 54 и др.

¹³ Сборник статистических сведений по Саратовской губернии, т. XII, вып. 1, Саратов, 1893, с. 126, 246, 507–08. Письма В. Проводиной к автору: 17.01.1997, 9.03.1997 и 4.04.1997. Я признательна В. Проводиной и А.Я. Массову за сбор материалов, касающихся истории Ильинки.

¹⁴ Ильин, В новом краю, т. 1, с. 296; Ильин, Песни земли, с. 4.

¹⁵ Ведомость справок о судимости. Издание Министерства юстиции, ч. 1, кн. 1, СПб., 1887, с. 218.

¹⁶ Ильин, В новом краю, т. 1, с. 296–300.

¹⁷ Flores, 'Memoirs', с. 3. С. Макай вспоминает сходную историю: Somerled Mackay, 'Memoirs', 1997, p.1. ●